

некоторые, на наш взгляд, важные проблемы освещены Ж. Эргом слишком бегло, а иные вовсе не затронуты. Не выделена для специального рассмотрения и не поставлена в связь с вопросом о судьбах родовой организации проблема возникновения государства. То же самое можно сказать и о проблеме социальной борьбы в обществах Западного Средиземноморья, хотя автор в ряде случаев касается конфликтов между патрициями и плебеями, аристократией и демократией. Автора нельзя упрекнуть в том, что он недооценивает значение письменности и ее распространение в изучаемую эпоху, но этот вопрос, на наш взгляд, должен изучаться не в рамках истории этрусков.

Его было необходимо выделить в заключительную часть книги — тогда бы не выпала из поля зрения тартессийская письменность и, главное, получила бы оценку социальная роль письма. Слишком беглым и даже поверхностным представляется изложение в разделе, посвященном истории Пиренейского полуострова (особенно при сравнении с разделами об истории раннего Рима и Италии). Можно, наконец, пожалеть и о том, что при освещении проблем истории Западного Средиземноморья автор вводит в оборот лишь результаты исследований западноевропейских ученых.

А. И. Немировский

ИМПЕРАТОРСКИЕ РАБЫ И ОТПУЩЕННИКИ В РАБОТАХ П. ВИВЕРА

В 60-х годах в разных странах почти одновременно появилось несколько фундаментальных исследований об императорских рабах и отпущенниках.

Особое положение императорской фамилии не впервые привлекает внимание исследователей. Еще в начале XX в. были сделаны попытки рассмотреть роль императорских рабов и отпущенников в управленческом аппарате¹ и выяснить их номенклатуру². Но поскольку материал источников, на основе которых решались все эти вопросы, был сравнительно узок, в современной историографии возникла необходимость доработать и пересмотреть с учетом эпиграфических открытий 30—60-х годов многие положения, высказанные в первом и втором десятилетиях нашего века. Это, разумеется, не единственная причина, почему в 60-х годах появилась целая серия статей и монографий, посвященных номенклатуре и положению императорских рабов и отпущенников в эпоху ранней Империи³.

¹ O. Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten bis auf Diokletian*, В., 1905, стр. 457—465.

² M. Bang, *Caesaris servus*, «*Hermes*», LIV (1919), стр. 174—186.

³ H. Chantaine, *Freigelassene und Slaven im Dienst der Römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenclatur*, Wiesbaden, 1967 (см. рец. Е. М. Штаерман в ВДИ, 1970, № 1, стр. 167—171); G. Boulivert, *Les esclaves et affranchis impériaux sous le Haut-Empire Romain. Thèse pour le doctorat en droit*, I—II, Aix-en-Provence, 1964. К сожалению, эта важнейшая работа осталась нам недоступной (как и одна

Новые исследования об императорских рабах и отпущенниках, очевидно, обязаны своим появлением прежде всего общему интересу к проблемам рабства в зарубежной историографии послевоенных десятилетий. В 1960 г. М. Финли в предисловии к составленному им сборнику статей «Рабство в классической древности. Взгляды и разногласия» писал: «Исследователи античности ныне изучают рабство более систематически и обсуждают спорные вопросы более обстоятельно, чем когда бы то ни было раньше»⁴.

Современные исследователи единодушно признают, что в решении проблем, связанных с положением и политической ролью императорских рабов и отпущенников, первостепенное значение имеет номенклатурный и пронографический материал. Вот почему анализу этого материала посвящен ряд специальных работ, среди которых видное место занимают исследования австралийского историка П. Вивера⁵.

Первые работы Вивера о номенклатуре императорских рабов и отпущенников появились в 1963—1964 гг., и с этого вре-

из статей Вивера: P. R. C. Weaver, *The Slave and Freedmen cursus in the Imperial Administration*, «*Proceedings of the Cambridge Philological Society*», 190, 1964, стр. 74—92).

⁴ «*Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies*», ed. by M. I. Finley, Cambr., 1960, стр. V.

⁵ В предисловии к своей книге Шантрэн особо выделил труды Вивера и Бульвера, мнения которых он постарался учесть и даже пересмотреть в их свете некоторые части своей работы.

мени в различных журналах стали регулярно печататься его статьи, где не только рассматривались определенные аспекты номенклатуры императорских рабов и отпущенников, но и, что особенно важно, анализировалось их титулатура. Имена и титулы императорской фамилии позволили Виверу прежде всего по-новому решить некоторые проблемы хронологии. Разработавшая свою методологию датировки и предлагая новые хронологические дефиниции для эпиграфических данных об императорской фамилии, Вивер вместе с тем анализирует обширный материал, связанный с социальным и политическим положением императорских рабов и отпущенников. Пользуясь этим материалом, Вивер вносит существенные коррективы в характеристику социально-правового и политического статуса императорской фамилии.

Но начинал Вивер, как и все его коллеги, с хронологической систематизации номенклатуры императорских отпущенников и рабов. Поскольку в решении этой проблемы основные выводы Вивера во многом совпадают с наблюдениями его коллег, в частности Шантрена, у нас отпадает необходимость подробно передавать содержание статей, посвященных анализу статусной номенклатуры, поэтому обзор первых двух статей Вивера будет дан в самых общих чертах.

Первая статья Вивера была посвящена проблеме хронологических дефиниций для надписей, называющих императорских отпущенников⁶. С самого начала Вивер подчеркивает, что императорские *nomina*, используемые обычно в качестве главного датирующего критерия, могут дать только некоторый остов для хронологии, поэтому для более точной датировки необходимо использовать дополнительные данные, в частности материал статусной номенклатуры. И далее Вивер устанавливает характерные формы этой номенклатуры и, в первую очередь, титулатуры императоров в различные периоды ранней Империи.

Для периода Юлиев-Клавдиев, когда номенклатура статуса, как и сама фамилия, только складывалась, возможны были следующие варианты. В качестве первого признака ранней номенклатуры отмечается титул *divus*, который в полной мере использовали только отпущенники Августа и гораздо меньше отпущенники Клавдия. (В фамилии Флавиев он уже не фигурирует.) Вторым признаком ранней формы номенклатуры называется титул *Caesaris Augusti I.*, который при Клавдии не употребляется. Периодом Юлиев-Клавдиев ограничено и использование императорских *praenomina*. По-

казателем ранней даты является и форма *Caesaris I.*; она исчезла из номенклатуры статуса со времени Веспасиана.

Автор полагает далее, что кроме титулатуры императоров немаловажное значение для датировки надписей императорских вольноотпущенников имела форма *noster*. Эта не очень характерная для номенклатуры статуса отпущенников форма появилась в первой половине II столетия под влиянием номенклатуры рабов, где она стала регулярной со времени Траяна. Наконец, большое датирующее значение придает Вивер также форме аббревиации *libertus*.

Систематизировав с помощью таблиц формы *l(ibertus)* и *lib(ertus)*, Вивер пришел к интересным результатам. По его наблюдениям, если у неимператорских отпущенников аббревиация типа *lib.* никогда не была частой (обычно преобладала аббревиация типа *l.*), то у императорских отпущенников, несмотря на тенденцию сокращать все части имени вплоть до *nomen gentilicium*, индикация статуса эволюционизировала от *l(ibertus)* к *lib(ertus)*.

Весь исследуемый материал позволил Виверу выделить в номенклатуре императорских отпущенников следующие три периода:

1. Период Юлиев-Клавдиев, для которого засвидетельствовано много вариантов в индикации статуса.

2. От Веспасиана до Антонина Пия, когда *Aug. lib.* становится стандартным обозначением императорских отпущенников и в формальной номенклатуре строго соблюдался порядок: *Praenomen. nomen gentilicium*, индикация статуса, *cognomen*.

3. От Марка Аврелия и позднее, когда традиционный порядок все более и более менялся: *praenomen* опускалось, *nomen gentilicium* сокращалось, индикация статуса часто появлялась после *cognomen*.

Следующая статья Вивера была посвящена номенклатуре статуса императорских рабов⁷.

Исследование номенклатуры статуса рабов в каком-то смысле сложнее изучения номенклатуры либертинов. Во-первых, рабская номенклатура более разнообразна, во-вторых, императорские *nomina* не являются формальной частью рабской номенклатуры. Но зато надписи, упоминающие отдельного императора, могут быть датированы этим правлением. На основе таких надписей (их всего 608 из 1600) автор прослеживает эволюцию системы номенклатуры ранней Империи. В период Юлиев-Клавдиев в рабском статусе часто появляются императорские *praenomina*. Со времени Фла-

⁶ P. R. C. Weaver. The Status Nomenclature of the Imperial Freedmen, «The Classical Quarterly», XIII (1963), стр. 272—278.

⁷ P. R. C. Weaver, The Status Nomenclature of the Imperial Slaves, «The Classical Quarterly», XIV (1964), стр. 134—139.

виев регулярным становится praenomen: Imp(eratoris), употреблявшийся в первый период только эпизодически. Но после Траяна praenomen любого вида более не появляется.

Дольше, чем у отпущенников, держалась у рабов форма Caesaris Augusti, но уже при Флавиях она пажила себя.

Важным датирующим критерием для надписей рабов оказывается термин n(ostri). В отличие от частных рабов, которые широко используют этот термин в течение всего I в., первые примеры наименования Caes. n. ser. появляются только в правление Веспасиана. В правление Марка Аврелия и Луция Вера эта форма исчезает и появляется форма Augg. pp. (ser./verp.) или Augg. (ser./vern.) как обозначение совместной собственности на рабов Марка Аврелия и Луция Вера. В правление Севера появляется форма Augg. ppp. (ser./verp.), которая указывает на объединенную собственность Септимия Севера, Каракаллы и Юлии Домны.

Термин Aug. не может быть точным датирующим критерием, поскольку до второй половины II столетия он встречается довольно часто во все периоды.

Гораздо большее значение для датировки имеет термин verpa, довольно редко появляющийся до Адриана.

Вместе с вопросами датировки Вивер в рассматриваемой статье решает еще одну очень важную проблему — об отношении к императорской фамилии тех лиц, у которых номенклатура типична для рабов, а индикация статуса (ser. или verp.) отсутствует. Полемизируя со Старром, который таких лиц рабами не считает (Старр полагает, что форма Caesaris связана синтаксически с последующими титулами, а не с предыдущим персональным именем), Вивер убедительно доказывает, что это не так. Форма Caesaris, по его мнению, один из самых характерных признаков рабской индикации.

Отпущение ser./vern. наблюдалось чаще всего в период Юлиев-Клавдиев; в последующие периоды это было больше исключением, чем правилом. Аббревиация Caesaris до С. в рабской индикации встречается очень редко и почти всегда используется вместе с n(ostri). Самые ранние примеры такой аббревиации относятся ко времени Домициана. Очень редки также сокращения до одной буквы A(ugusti), s(ervus), v(erna). Затем автор сводит исследуемый материал в три таблицы, на основании которых делает следующее заключение.

В период Юлиев-Клавдиев простой генитив, особенно форм, включающих praenomina императоров и Caesaris Aug., превалировал над формами с индикацией ser. От Веспасиана до Траяна действовало противоположное правило. Количество форм Caes. Aug. с ser. или без ser. постепенно уменьшается и в конце концов

исчезает до появления форм с n(ostri).

До Адриана встречается очень немного форм с n(ostri), причем больше всего их относится ко времени Траяна. До Адриана редко появляются также verp(a) и ser. verp.

Сравнивая данные Вивера с приведенными им же наблюдениями Банга, Старра и других исследователей, убеждаешься, что в решении проблемы рабской номенклатуры Вивер внес очень заметный вклад. Он не только уточнил периодизацию рабской номенклатуры, но и по сути дела открыл ее более широкое содержание. Обозначение статуса в номенклатуре рабов у Вивера представлено значительно полнее, чем у его предшественников, уже потому, что он доказал правомерность такой распространенной формы обозначения статуса императорских рабов, как Caesaris, без сопровождения ее индикацией ser. или verp.

Почти одновременно со статьей о номенклатуре императорских рабов в том же 1964 г. вышла статья Вивера об отпущенниках Августов⁸.

Среди многочисленных индикаторов, помогающих датировать надписи императорских отпущенников, важное значение имеет определение смысла формы Augg. lib. Вопрос этот не впервые обсуждается в литературе. Еще Хиршфельд высказал предположение, что каждый император наследовал не только собственность на рабов своего предшественника, но и патронат над их отпущенниками; отпущенник получал часть своего имени не от императора, даровавшего ему свободу, а от правящего императора. Однако большинство фактов, подчеркивает Вивер, противоречит этому утверждению, которое, в частности, ничего не объясняет в отношении Augustorum libertus при Клавдиях и Флавиях.

Другое мнение, правда с некоторыми сомнениями в отношении Augustorum, высказал Моммзен. Он предположил, что Augustorum относится к libertus двух следовавших друг за другом Augusti. Но римские законы, допускавшие наследственный патронат, не предполагали соответствующего изменения номенклатуры отпущенника. В редких случаях, когда в манускрипте рабов оказывались вовлеченными оба следовавшие друг за другом императора, факт этот отражался в номенклатуре не формой Augg. lib., а двумя gentilicia. Помимо редких случаев наследования патроната римский закон разрешал совместную собственность на рабов, и, следовательно, манускрипсы общего раба должна была совершаться совместно всеми собственниками, так как человек не мог быть отчасти свободным,

⁸ P. R. C. Weaver, Augustorum libertus, «Historia», XIII (1964), Ht 2, стр. 188—198.

отчасти рабом. Ввиду того что случаи общей собственности на рабов и совместной манумиссии их были часты, а надписи рабов и отпущенников фамилии Цезарей многочисленны, отсутствие следов в них общей собственности было бы странно.

И далее Вивер исследует вопрос, почему для времени Тиберия имеются надписи, подтверждающие существование общей собственности на императорских рабов и на совместную манумиссию их (например, надпись, где упоминается отпущенник императора Тиберия и его матери Юлии Августы: VI, 4770: Ti. Julius Aug. et Augustae l. Diomedes), а для времени Клавдия и Нерона такого рода свидетельств нет, т. е. в надписях не встречается формула Ti. Claudius Aug. et Aug(ustae) lib. Кронотливый пропонаграфический анализ семьи Клавдия и Нерона приводит автора к выводу, что у Клавдия не могло быть отпущенников, обозначенных Ti. Claud. Aug. et Aug(ustae) lib., так как мать Клавдия — Антония Младшая — скончалась до вступления Клавдия на престол, первая жена Мессалина — не получила титула Августы, что же касается Агриппины, получившей в 50 г. этот титул, то отпущенники из рабов, находившихся в общей собственности Клавдия и Агриппины или Нерона и Агриппины, предпочитали в обоих случаях императорское gentilicium Claudius. Такая формула, как Ti. Claudius Aug. et Juliae Augustae lib. была, по мнению Вивера, неудобна в силу целого ряда причин, и для обозначения коопатроната Агриппины и Клавдия или Агриппины и Нерона употреблялась формула Ti. Claudius Augustorum lib(ertus).

Форма Augustorum (Augg.) libertus встречается в двух надписях отпущенников императоров Флавиев. Но при Флавиях титул Августы впервые получила лишь жена Домициана в 81 г., затем этот титул получила дочь Тита — Юлия, konkубина Домициана. После смерти Юлии в 87 г. Домиция возвратилась во дворец и оставалась там до смерти Домициана. Она имела большую и влиятельную фамилию, и, по мнению Вивера, в надписях флавянского времени, где появляются Augustorum liberti, совместными патронами могли быть только Домициан и Домиция.

Большое число Augustorum liberti появляется при Траяне. На время Траяна приходится три Августы: Помпея Плотина — жена Траяна, Марциана, его сестра, и Матидия — племянница. Первые две получили этот титул в 105 г. Марциана умерла в 112 г., в тот же самый год ее дочь Матидия стала Августой и жила до 119 г. Все три имели собственные фамилии, из которых фамилия Плотины была наиболее важной. Поэтому Augustorum liberti при Траяне, полагает Вивер, были отпущены либо Траяном и Марцианой,

либо, скорее всего, Траяном и Плотинной.

Анализируя положение Augustorum lib. Адриана и Антонина Пия, Вивер указывает, что из 11 случаев совместной манумиссии при Адриане только два встречаются в Африке и Испании; большинство же случаев из Рима, Остии и Лация. Совместные манумиссии при Антонине также имели место преимущественно в Риме. Вивер полагает, что все эти случаи могут быть совместными манумиссиями Адриана и Сабинны, Антонина и Фаустины Старшей.

Приступая к рассмотрению периода Элиев, Вивер прежде всего останавливается на анализе следующей надписи: Aelius Aeliogum Augustorum libertus. Поскольку Элии Августы не было, эта надпись предполагает существование двух совместно правящих Элиев Августов, которыми, по мнению Вивера (и он убедительно это доказывает), были Луций Вер и Марк Аврелий. Наибольшее число случаев совместной манумиссии, подчеркивает Вивер, отмечено в период совместного правления Луция Вера и Марка Аврелия. Всего из 250 известных для этого периода императорских отпущенников 65 фигурируют в надписях как отпущенники двух патронов.

В заключение Вивер выясняет значение аббревиации типа Auggg. или Auggg. nnp. Вивер насчитывает 11 случаев аббревиации такого рода. Среди них два Септимия, три Марка Аврелия и шесть без gentilicia. С первого взгляда, говорит он, может показаться, что три Августа — это Септимий Север, Каракалла и Гета. Но поскольку Гета стал Августом в 209 г., а среди рассматриваемых надписей две датируются до 209 г., Вивер полагает, что аббревиация Auggg. lib. заключала в себе имена Севера, Каракаллы и Юлии Домны Августы. Что касается аббревиатуры M. Aurelii Auggg. lib., в рассматриваемой формуле могут заключаться имена Каракаллы, Геты и Юлии Домны Августы, так как в подобных случаях в качестве gentilicia обычно выбирается имя правящего императора.

Любопытное наблюдение сделал Вивер и в отношении рабов, находившихся в общей собственности императоров. Среди исследуемой им 51 надписи с аббревиатурой Augg. servi (vernae) не было ни одной, которую бы можно было датировать определенно I в. или началом II в.; точно так же они не могут быть отнесены и к концу II столетия.

Подводя итоги, Вивер подчеркивает следующее. Во-первых, случаи совместных манумиссий до Аврелиев составляли небольшую часть всех императорских манумиссий, известных для этого периода: для Клавдиев — 1,2%, для Флавиев — 1,3%, для Ульшиев — 3,6%, для Элиев — 9%, в то время как для Аврелиев — 26%. Во-вторых, во всех случаях аббревиация

Augg. lib. или Auggg. lib. означала совместную манумиссию двух или трех патронов, причем, за исключением времени Элиев и Аврелиев, в качестве таких совместных патронов выступали Август и Августы — либо мать, либо жена Августа.

Выше уже отмечалось, что относительно интерпретации формулы Augg. lib. до сих пор нет единого мнения среди эпиграфистов. Выводы Вивера не только расходятся с мнениями предшествующих исследователей, но не находят поддержки и у авторов недавних монографий, в частности у Шантрена, поэтому мы и сочли возможным так подробно остановиться на аргументации Вивера. Она представляется нам убедительной еще и потому, что выводы Вивера о значении формы Augg. lib. позволяют найти ключ к пониманию некоторых других спорных надписей, связанных с упоминанием императорских отпущенников.

В 1964—1965 гг. появилась серия небольших статей Вивера⁹, посвященных интерпретации отдельных надписей, неправильно прокомментированных или не замеченных его предшественниками, в частности Хиршфельдом. Эти надписи и найденные аналогии к ним позволили Виверу сделать довольно интересные наблюдения и выводы относительно содержания номенклатуры императорских отпущенников. Особенно важной с этой точки зрения представляется статья об иррегулярных nomina императорских отпущенников. Анализируя необычные имена, представленные в двух надписях (ILS, 1967; CIL, VI, 15317), и подобрав к ним аналогии, Вивер обратил внимание на следующее. В середине II столетия императорский отпущенник, получив пост в фамилии Цезарей, сохранил помен матери рядом с индикацией императорского статуса. Обычно же при назначении на императорскую службу имя матери заменялось императорским. С конца I столетия случаи сохранения помен матери в такой ситуации были исключительными и представляли собой иррегулярные имена.

Итак, все рассмотренные до сих пор работы Вивера связаны главным образом с анализом номенклатуры императорских отпущенников и рабов. И хотя этот анализ сделан чрезвычайно квалифицированно, с учетом новейших эпиграфических открытий и на основе современной

методологии исследования, некоторые положения и выводы Вивера после выхода в свет книги Шантрена в какой-то мере уже утратили новизну и значение, поскольку в ней вопросы номенклатуры императорских рабов и отпущенников рассмотрены шире и более фундаментально. Поэтому гораздо больший интерес и ценность представляют сейчас те статьи Вивера, где он исследует круг вопросов, связанных с титулатурой императорских отпущенников и рабов. Во-первых, рассмотрение этих вопросов представляется более плодотворным для решения проблем датировки; во-вторых, и это главное, титулатура императорских отпущенников не только позволяет выяснить положение и роль различных слоев их в общественной жизни и государственном аппарате, но и пролить некоторый свет на эволюцию этого положения в определенные периоды. Самая ранняя из указанных работ появилась в 1964 г.¹⁰ «В изучении социальной структуры римского мира I и II столетий н. э. нет ничего более важного или более сложного, чем классы рабов и освобожденных рабов», — говорит Вивер¹¹. Сложность проблемы, согласно Виверу, определяется главным образом чрезвычайно высокой социальной мобильностью этих классов. Отсюда задачей первоочередной важности становится выяснение различных социальных и правовых градаций этих классов. Успешнее всего эту задачу можно решить с помощью данных о рабах и отпущенниках императора, где довольно обширный материал может систематизироваться хронологически.

Фамилия Цезарей, подчеркивает далее Вивер, складывалась из группы неодинакового правового и профессионального статуса, и, сравнивая различные группы императорских рабов друг с другом, а также с рабами того же правового статуса за пределами фамилии Цезарей, можно проиллюстрировать широкую социальную дифференциацию внутри класса рабов.

В упомянутой статье автор исследует низшие бюрократические должности, которыми открывается в какой-то мере cursus honorum императорских рабов и отпущенников. Такими категориями, по мнению Вивера, являются *vicarius*, затем раб отпущенника, отпущенник отпущенника и, наконец, *vicarianus*.

Раб, находившийся в собственности раба, назывался *vicarius*. Раб-собственник в юридических текстах назывался *ordinarius*. Но в фамилии Цезарей, по наблюдениям Вивера, термин *vicarius* употреблялся обычно не для обозначения

⁹ P. R. C. Weaver, *Cognomina ingenua*, «The Classical Quarterly», XIV (1964), стр. 311—315; он же, *Gaius 1,84 and the s. c. Claudianum*, «The Classical Review», XIV (1964), стр. 137—139; он же, *The Father of Claudius Etruscus Staius*, *Silvae* III, 3, «The Classical Quarterly», XV (1965), стр. 145—154; он же, *Irregular nomina of Imperial Freedmen*, там же, стр. 323—326.

¹⁰ P. R. C. Weaver, *Vicarius and vicarianus in the Familia Caesaris*, JRS, LIV, 1964, стр. 117—128.

¹¹ Там же, стр. 117.

личных рабов, а в связи с установленной с конца I в. финансовой должностью *ordinarius*, по отношению к которому *vicarius* выступал в качестве должностного лица и выполнял роль заместителя или помощника. Поэтому и социальное положение викариев в фамилии Цезарей было более высоким, чем положение рядовых императорских рабов и положение «викариев» за пределами фамилии Цезарей (т. е., согласно юридическим источникам, рабов, которые находились в собственности рабов). Но викарий не просто был поставлен императором в качестве заместителя *ordinarius*, он даровался *ordinarius* как часть *пекулия*. Если *ordinarius* отпускался на волю или продвигался дальше по служебной лестнице, то его *викарий* переводился в собственность императора.

Итак, *vicarii* не личные рабы императорских рабов, а только выделенные рабам-чиновникам помощники, которым разрешалось пользоваться на правах *пекулия*. Однако *ordinarius* имели и личных рабов в немалом количестве, и следующий раздел статьи Вивера как раз и посвящен исследованию персональных рабов и отпущенников на материале надписей рабов и отпущенников *Augusti liberti*.

Первое, что бросается в глаза при исследовании соответствующих надписей, — это редкое употребление терминов *servus* и *verna* там, где известно *nome* хозяина, причем термин *verna* часто использовался для обозначения не рабского статуса, а для отпущенников отпущенника (*lib. liberti*), которые рано умерли, или для рабов, которые отпускались на волю в момент преждевременной смерти, или для свободнорожденных детей отпущенника. Там, где *nome* хозяина и *патрона* неизвестно, пропорция *servi* заметно увеличивается. Такое положение объясняется отчасти характером эпиграфического материала. Большинство надписей было поставлено не *патронами*, а рабами и отпущенниками, и поскольку рабы не могли похвастаться своим *nome*, они заодно и не называли *nome* хозяина, тогда как отпущенники были озабочены сохранением *nome* хозяина. Но все же в обоих случаях *lib. liberti* преобладали над *lib. servi*, и это связано, по мнению Вивера, с большой вероятностью ранней манумиссии, что доказывается также возрастом личных рабов и отпущенников (половина умерших отпущенников достигла 28-летнего возраста, а половина рабов — 10-летнего). Профессии *servi* и *liberti* императорских отпущенников доказывают, что они находились в личной собственности, так как наиболее часты *pistor candidarius, aedituus, a cubiculo, rogator* и т. п. Персональные рабы отпускались на волю либо вместе с *ordinarius*, либо вскоре после его манумиссии. Характерно, что почти половина *lib. liber-*

ti — это *lib. libertae*. В надписях постоянно встречаются такие фразы, как *viro et patrono, patrono idem conjugi* и т. п. Причем большинство этих жен отпущенников, судя по *nome*, было из фамилии Цезарей.

Подводя итог второй части своего исследования, Вивер подчеркивает, что личные рабы императорских рабов и отпущенников были многочисленны. Со времени Тиберия эти рабы избегали титула *vicarius*. Они назывались либо *vernae*, если были молоды, либо *servi*, но чаще всего вследствие большого процента манумиссии они встречаются нам уже как *liberti Augusti liberti*. Рабыни, принадлежавшие к категории личных рабов, также не использовали титул *vicariae*. После манумиссии они чаще всего назывались *libertae Augusti liberti*.

Выше *викариев* и личных рабов и отпущенников стояли так называемые *vicarii*. Исследование положения этой категории и составляет предмет третьей, и последней, части рассматриваемой статьи.

Прежде всего Вивер устанавливает значение самого термина *vicarianus*. Императорские рабы и отпущенники от Августа до Траяна часто приписывали себе второе имя с окончанием на *-ianus*, или *-anus*, происходившее от имени бывшего хозяина, от которого они перешли в силу дарения или по наследству в императорскую фамилию. Но многие приобретенные рабы в фамилии Цезарей оказывались без второго имени. По какому же принципу давалось это второе имя? Хронологическая систематизация таких имен дала интересные результаты. Вторые имена рабов Юлия и Ливия происходили главным образом от знатных фамилий *нобилитета* и *клентов* *принципса* (*Aemilianus, Agrippianus, Antonianus*). Такие имена составляли $\frac{3}{4}$ всех имен. При Клавдии пропорция вторых имен, образованных от сенаторских и всаднических фамилий, заметно уменьшилась (они составляли менее половины), зато появляются имена, происходившие от имен хорошо известных императорских отпущенников (*Acteanus, Pallantianus*) или явно рабского или отпущеннического происхождения (*Diodorianus, Epagathianus* и др.). В период Флавиев пропорция имен первой категории еще более падает, доходя до $\frac{1}{3}$. Все прочие происходят от имен влиятельных отпущенников и отпущенниц.

Таким образом, в период от Августа до Траяна число вторых имен императорского, сенаторского, всаднического происхождения постоянно сокращалось, в то время как такие же имена происхождения рабского становились более многочисленны, причем в этой последней группе большинство имен происходило от имен императорских рабов и отпущенников. Следовательно, императорские ра-

бы со вторым именем на -ianus прежде находились на положении викариев. Становясь императорскими рабами и оказываясь практически в положении своих хозяев, они заметно улучшали свой социальный и профессиональный статус, и в таком случае термин *vicarius* они охотно заменяли вторым именем на -ianus.

Итак, с середины первого столетия второе имя все более и более начинает обозначать, по терминологии Вивера, «викариана», т. е. определенную социальную категорию рабов императора. *Vicarii* не несли второго имени, точно так же как не несли его личные рабы императорских рабов или его отпущенников, последние обозначались *Aug. lib. liberti*. Далее Вивер подчеркивает, что викарианы встречаются сравнительно редко среди императорских рабов, занятых в домашних службах, и очень часто среди тех, кто был занят на финансовых постах в Риме и провинциях в качестве *dispensatores, tabularii* (32 из 40). Примечательно, что пропорция *vicarii*, занятых в управлении финансами, увеличивалась в течение всего первого столетия. Становясь *vicarii*, рабы меняли свое социальное положение. Это подтверждается, по мнению Вивера, тем, что они никогда не женились на рабынях, даже если еще сами оставались в рабском статусе, причем нередко их женами были свободнорожденные. Обращает на себя внимание также то, что среди *vicarii*, так же как среди *vicarii*, женщины не встречаются, поскольку *vicarii* рекрутировались для занятий, в которых доминировали рабы-мужчины. По своему служебному положению *vicarii* стояли выше, чем *vicarii*. Но *vicarii* не механически становились *vicarii*. *Vicarii* набирались для финансовых постов в результате довольно тщательного отбора. Это происходило либо при жизни ординария, после его продвижения или манумиссии, либо после его смерти, чтобы заполнить вакантный пост. Со времени Адриана император предпочитал брать на службу рабов из детей своих рабов и отпущенников, а не из их пекулия. Одна из реорганизаций Адриана коснулась ликвидации второго имени на -ianus, поэтому для времени после Адриана *vicarii* и *vicarii* трудноразличимы между собой, хотя последние определенно не исчезли еще в III в.

Итак, согласно Виверу, среди императорских рабов низшую ступень занимали по своему социальному и профессиональному положению *vicarii*, которые составляли часть пекулия императорских рабов, занятых на финансовых службах, и одновременно выполняли роль их помощников-заместителей. После того как *ordinarius* продвигался по службе или отпущался на волю, его *vicarius*, если он становился его преемником, перехо-

дил в непосредственную собственность императора и в таком случае переходил в разряд, называемый Вивером *vicarius*, оставляя имя своего ординария в качестве второго имени на -ianus. От *vicarii* и *vicarii* автор предлагает отличать личных рабов и отпущенников императорских отпущенников, которые в надписях фигурируют просто как *servus liberti* и *libertus liberti*.

В 1965 г. наряду с работами, исследующими отдельные вопросы номенклатуры императорских рабов и отпущенников, появляется статья Вивера, посвященная отпущенникам-прокураторам¹², где Вивер по существу продолжает изучать положение и роль отпущенников в императорской администрации. Вместе с отпущенниками, возглавлявшими *officia Palatina*, говорит Вивер, прокураторы официально составляли высшую ступень отпущеннической административной карьеры.

В литературе прочно утвердилось мнение, что отпущенники в эпоху ранней Империи активно проникали на самые высокие административные должности императорской службы и что практически не существовало категорий императорских постов, из которых бы отпущенники исключались¹³; при этом не делается различия между первым и вторым столетием н. э. А между тем, возражает Вивер, хронологическая дифференциация здесь особенно важна, так как посты отпущенников-прокураторов стали заметно умножаться только со второй половины II столетия. Далее Вивер обращает внимание на то, что служба императорских прокураторов состояла из двух типов обязанностей. Первый тип был связан с дворцовыми службами и управлением императорскими именными, второй — с чисто административными функциями, в частности финансовыми. И когда Вивер свел в таблицы весь собранный им материал о прокураторах-отпущенниках, то оказалось, что пропорция прокураторов-отпущенников, занятых во дворце и управлении именными со времени Юлиев-Клавдиев до конца II в., постоянно уменьшалась (от 100 до 30%), а в то же время число отпущенников на административных службах (куда отпущенники начинают проникать только со второй половины II в.) постоянно возрастало. Причину этого явления, полагает Вивер, должно искать либо в том, что высшие посты всаднической карьеры вдруг были распахнуты отпущенникам

¹² P. R. C. Weaver, *Freedmen Procurators in the Imperial Administration*, «Historia», XIV (1965), Ht 4, стр. 460—469.

¹³ T. Millar, *The Development of Jurisdiction by Imperial Procurators*, «Historia», XIII, 1964, стр. 187; Thurther evidence, «Historia», XIV, 1965, стр. 362—367.

в период династии Антонинов (о чем совершенно не упоминают литературные источники), либо в том, что титулы отпущенников отличались от таких же титулов у всадников. Совершенно вероятно, говорит Вивер, чтобы одни и те же посты были открыты и всадникам и отпущенникам. Отпущенники-прокураторы не могли быть в равном положении с прокураторами-всадниками. Не случайно только отпущеннику давался титул *procurator Augusti*.

Вивер полагает, что прокураторы-отпущенники могли быть только ассистентами прокураторов-всадников. Известно, что со времени Траяна и Адриана отпущенники постоянно вытесняются всадниками в дворцовых службах и соответственно больше концентрируются в службах администрации. Но даже самые высокопоставленные отпущенники не могли достичь высшего административного статуса всадников. Прокураторы, отпущенники и всадники надходились в отношении подчиненного и главного.

С исследованием положения отпущенников-прокураторов и их места в императорской администрации в какой-то мере связана статья Вивера о датирующих критериях для отпущеннической императорской администрации¹⁴. Как известно, сведения об этой администрации черпаются в основном из надгробных надписей, которые очень трудно датировать. Датирующим ориентиром в таких случаях обычно служит императорское *nomen gentilicium*. Но этот критерий, как уже отмечалось Вивером, в качестве *terminus ad quem* позволяет датировать надпись в пределах 30—50 лет. Там же, где и *nomen* императорского отпущенника не зафиксировано, положение еще безнадежней, если надпись не содержит никаких дополнительных сведений о семье покойного или делканта. Такими дополнительными сведениями являются имена жен и детей, этими именами до Вивера широко пользовались в качестве датирующего ориентира. И первая часть работы о фамильных критериях для датировки на материале двух спорных надписей (CIL, VI, 8574; X, 6092) показывает, сколь ненадежны эти критерии, если они рассматриваются в отрыве от других данных, в частности титулатуры постов, удерживаемых в императорской администрации.

Прежде всего Вивер рассматривает хронологическое изменение титулатуры постов императорской администрации, представленной в указанных выше надписях. В первой надписи некто *Coenus* удерживает пост *arcarius provinciae Belgicae*, во второй *Tertiolus* имеет посты *proximus*

rationalium и *a commentariis provinciae Belgicae*.

Анализ надписей Вивер начинает с исследования титула *proximi*. Отпущенники *proximi* в период ранней Империи распадались на две категории, отмечает Вивер: 1) категория высшего статуса, 2) категория вспомогательного статуса, охватывающая ранг табуляриев и *a commentariis*. Всадники с титулом *proximus* в эпоху ранней Империи не встречаются.

Далее Вивер приводит список имен отпущенников, отмеченных в надписях как *proximi* высшего статуса с последующим *cursus*. На основе подробного номенклатурного и просопографического анализа этого списка, используя сравнительные данные эпиграфики и нарративных источников, Вивер приходит к выводу, что все *proximi*, о которых идет речь, жили в период от Марка Аврелия до начала III столетия и принадлежали крупным отделам центральной администрации в Риме. Они не относились ни к провинциальным административным центрам, ни к мелким специальным финансовым или другим административным отделам, локализованным в Риме. Такие титулы, как *proximus a rationibus* (которые в приведенном списке выступают у отпущенников, стоящих под номерами 3, 5, 11, 12), *proximus ab epistulis* (4, 9) и *memoria* (6, 8), и *libellis* (7), а *studiis* (10), явно представляют центральные службы. Все эти службы были доступны только отпущенникам высокого статуса со средним жалованьем 40 тыс. сестерций. Следующей ступенью в карьере этих *proximi* была должность прокуратора вплоть до высшего поста прокуратора провинции. Следовательно, в период от Марка Аврелия до Севера пост *proximus* в центральных службах в Риме служил, так сказать, подступом к прокураторству, и это нововведение принадлежит Марку Аврелию.

Раскрывая функции *proximus*, Вивер отмечает, что они были заместителями или помощниками всадников, стоявших во главе любой службы.

Приступая к рассмотрению так называемых канцелярских *proximi* (т. е. *proximi* среди мелких чиновников), Вивер еще раз напоминает, что они принадлежали не к высшему статусу, а к градации вспомогательной службы табуляриев и комментариев (*a commentariis*). Эти *proximi tabulariorum* и *commentariorum* не достигали высших назначений или прокураторского ранга. Они никогда не поднимались за пределы младших и вспомогательных рангов административного *cursus*. *Proximi tabulariorum* как часть номенклатуры, которая характеризует табуляриев и комментариев, появляется в середине II столетия.

Можно предполагать, что большинство отпущенников, достигавших прокураторского ранга, должны были начинать с

¹⁴ P. R. C. Weaver, *Family Dating Criteria, proximi and provincia in the Familia Caesaris* JRS, 68 (1968), стр. 110—123.

одного из постов канцелярского ранга, вероятнее всего, с высшего канцелярского поста. Косвенным подтверждением этому служат три надписи периода Марка Аврелия, где *cursus honorum* императорских отпущенников начинается с *tabularius a rationibus*, вслед за которым идет должность прокуратора. Со времени Марка Аврелия, когда пост *tabularius* в службе *a rationibus* и других Палатинских службах был заменен *proximus*, именно этот пост стал открывать доступ отпущенникам к прокураторскому рангу.

Помимо термина *proximus* важным критерием для хронологии надписей мог служить термин *provincia* в обозначении мелких чиновничьих должностей, предназначенных для рабов и отпущенников. Имеются в виду должности *arcarius*, *dispensator*, *tabularius*, а *commentariis*. Ссылаясь на предыдущую статью, Вивер напоминает, что в титулатуре прокураторов термин *provincia* начал употребляться со времени Марка Аврелия. Отсюда встает вопрос, не использовался ли этот термин и чиновниками канцелярских служб в тот же самый период. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, Вивер, как всегда, выясняет, какое содержание вкладывается в этот термин при обозначении статуса.

Tabularii, *dispensatores*, *arcarii*, а *commentariis* уже с эпохи ранней Империи встречаются в провинциальных центрах (последние две должности, правда, не так часто). Но только небольшой части их давался титул *tabularius provinciae*, *dispensator provinciae* и т. д. Вивер полагает, что пост *tabularius provinciae*, находясь в подчинении центрального табулярия, был для отпущенника высшей должностью в карьере канцелярских служащих провинции. Большинство надписей, упоминающих *tabularii provinciae*, относится, по данным Вивера, ко второй половине II — началу III столетия.

В отличие от *tabularius provinciae* титул *ex tabulariis*, по мнению Вивера, означает не бывшего табулярия, а низшую ступень в карьере табулярия.

Следующую группу ранга канцелярских чиновников составляли *commentariis provinciae*, рекрутируемые также целиком из императорских отпущенников. Вивер приводит все шесть надписей, где упоминаются эти должности с указанием имен императоров. Судя по императорскому *nomina*, все эти надписи также относятся к середине II столетия и более позднему времени. Следовательно, здесь термин *provincia* тоже указывает на определенный исторический период.

Переходя к характеристике *dispensatores* и *arcarii*, Вивер отмечает, что если должности табуляриев и комментариев занимались обычно отпущенниками, то должности диспенсатора и аркария оставались, как правило, за рабами, хотя они чаще всего были старше 30-летнего

возраста и вполне могли быть отпущены на волю. Такое положение Вивер объясняет тем, что рассматриваемые должности были финансовыми и требовали более строгого и непосредственного контроля со стороны императора, который предпочитал здесь иметь дело с собственными рабами. Среди этих должностей также встречаются высшие посты с титулом *dispensator provinciae* и *arcarius provinciae*, но, поскольку в этих надписях отсутствует императорское *nomina*, датировать их гораздо труднее. В качестве датирующего критерия Вивер пользуется здесь формами индикации статуса *Aug(usti)* и *n(ostri)*. В результате получается, что для *arcarii* и *dispensator* высшие должности со II столетия также обозначались с помощью термина *provincia*.

Для субординации постов были введены затем термины *ex dispensatoribus*.

Следовательно, *dispensatores* и *arcarii* вслед за *tabularii* и *commentariis* стали обозначаться по-новому со времени Адриана или по крайней мере Антонина Пия, в то время как высшая должность для отпущеннической службы — *procurator provinciae* — не входила в общее употребление до Марка Аврелия.

Итак, хотя все рассмотренные выше статьи Вивера в первую очередь решают вопросы хронологии, не менее важный аспект его работ представляет исследование социального статуса и политической роли императорских отпущенников в связи с анализом их статусной номенклатуры и должностной титулатуры. Огромный фактический материал, накопленный в связи с изучением этой проблемы, позволил Виверу сделать определенные наблюдения и обобщения относительно социальной мобильности императорских рабов и отпущенников в эпоху ранней Империи. Эти свои наблюдения Вивер изложил в статье, рассмотрением которой мы и закончим наш обзор¹⁵.

Римское общество как ранней, так и поздней Империи, говорит Вивер, обнаруживает высококоразвитую систему официальной стратификации. Это создает застывшее соотношение сословий с соответствующими правовыми различиями в их статусе. В ранней Империи такими сословиями были сенаторы и всадники, свободнорожденный плебс и сельское крестьянство, вольноотпущенники и рабы. Однако юридический статус далек от надежной индикации статуса социального. Отсюда социальная мобильность или изменения в классе или статусе, при которых возникает процесс противоречия между юридической системой стратификации и действительным социальным статусом.

¹⁵ P. R. C. Weaver, *Social Mobility in the Early Roman Empire: the Evidence of the Imperial Freedmen and Slaves. «Past and Present», 37, 1967, стр. 3—13.*

Социальная мобильность не может быть измерена статистически, и все же те немногие приблизительные данные, какими мы располагаем, должны быть учтены при решении проблемы социальной мобильности. В качестве примера исследования, основанного на приблизительных данных, Вивер ссылается на недавние работы Хопкинса¹⁶. Хопкинс, в частности, исследует модели (patterns) мобильности, т. е. такой порядок, когда окруженные высоким престижем внешние знаки определенного статуса приобретались членами каких-то групп или классов, вопреки положению этих групп или классов в иерархическом обществе Империи. «Таким образом,— заключает Вивер,— социальная мобильность в Риме предстает перед нами как углубление статусного диссонанса, при котором лица оцениваются высоко по одним критериям статуса, таким, как способности, успехи, богатство, но низко по другим, таким, как происхождение или правовое положение»¹⁷.

Исходя из этой теоретической посылки, Вивер в рассматриваемой статье намеревается исследовать вопрос, насколько сведения о фамилии Цезарей подтверждают или иллюстрируют следующие предположения: во-первых, что социальная мобильность действительно может рассматриваться как углубление статусного диссонанса; во-вторых, что социальная мобильность была продуктом структурной дифференциации институтов; в-третьих, что определенные модели мобильности могут быть лучше поняты как продукт конфликта между императором и аристократией, и между ними обоими (императором и аристократией), с одной стороны, и структурно дифференцированными институтами, с другой.

В рассматриваемой работе Вивер исследует только первый из трех вопросов, поэтому вся последующая часть статьи предваряется заголовком «Статусный диссонанс в фамилии Цезарей» (Status Dissonance in the *Familia Caesaris*).

Приступая к рассмотрению противоречий в статусе фамилии Цезарей, Вивер прежде всего отмечает, что один из наиболее эффективных примеров социальной мобильности в ранней Империи дают нам императорские отпущенники. Многие из них прошли путь от рабского статуса на низших постах императорской службы до свободного статуса с ответственным положением в бюрократии, а некоторые из них достигали высших постов и иногда оказывали влияние даже на императорскую власть.

Исследование причин социальной не-

стабильности в фамилии Цезарей, подчеркивает Вивер, могло бы пролить свет на процесс социальной мобильности вообще. Рабы и отпущенники императора составляли, как известно, элиту среди рабов и отпущенников Римской империи. Это не только зависело от того, что хозяином и патроном их был сам император, но и от природы их обязанностей. Профессиональные функции фамилии Цезарей обеспечивали ей определенное положение не только среди рабов и отпущенников, но и в римском обществе в целом. С правовой точки зрения рожденные рабами (*servi*, *liberti*) были ниже свободнорожденных (плебса, всадников, сенаторов). Однако с социальной точки зрения немалое число *liberti* обладало более высоким статусом, чем многие из плебса. В фамилии Цезарей большинство *servi* и *liberti* были по своему социальному статусу выше значительной части плебса и фактически имели статус, равный всадническому. Это может служить ярким примером статусного противоречия.

Административная служба отличалась строгой субординацией должностей. В соответствии с низким статусом домашней службы был вспомогательный канцелярский административный штат, куда входили *tabellarii* (почтальоны), *pedisequi* (проводящие), *custodes* (караульные) и т. д. Они редко поднимались до постов, которые можно отнести к ступеням рабско-отпущеннической административной карьеры (*cursus*). Эта карьера начиналась от низшего поста *adjutor* (помощника) в возрасте от 20 до 30 лет, затем шли вспомогательные посты *dispensator* (кассир), а *commentarius* (делопроизводитель), *tabularius* (бухгалтер). Эти службы приходились на возраст между 30 и 40 годами. Наконец, высшими административными постами были *proximus* (заместитель), *procurator* и секретари Палатинской службы (*a rationibus*, *ab epistulis*). Те, кому выпала удача вступить на административную службу, обычно в довольно раннем возрасте отбирались для профессиональной административной карьеры и, таким образом, составляли наиболее преуспевающую часть фамилии Цезарей. Для *Caesaris servi* основной причиной мобильности было противоречие между их высоким должностным престижем и властью, с одной стороны, и их низким правовым статусом и рождением,— с другой.

Наиболее ясным показателем социальной мобильности рассматриваемых групп может служить изменение социального состава женщин, вступавших в брак с императорскими отпущенниками. Известно, что для рабов и отпущенников, не принадлежавших к императорской фамилии, он мало менялся. По имеющимся в новейшей литературе данным, только 15% отпущенников и 10% рабов жени-

¹⁶ M. K. Hopkins, *Elite Mobility in the Roman Empire, «Past and Present»*, 32, 1965, стр. 14 слл.

¹⁷ Weaver, *Social Mobility...*, стр. 3.

лось на свободнорожденных, ибо такой брак, как известно, осуждался и юридически, и практически. Что же касается фамилии Цезарей, то здесь наблюдается совершенно иная картина. Если в период Юлиев-Клавдиев рабы женились главным образом на рабынях императорской фамилии, то со времени Клавдия и до Александра Севера пропорция рабов, которые женились на свободнорожденных, возросла до 66 и даже 75%. Часто женились на свободных еще *servi publici*, особенно в период поздней Республики. Причина та же, что и для *Caesaris servi* — высокий социальный статус как результат их должностного положения.

Еще более высоким было положение императорских отпущенников (*Augusti liberti*). Уровень их власти и социальный статус были соответственно еще выше, поэтому для тех из них, кто находился на административной службе и привилегированных постах, женитьба на свободнорожденных женщинах стала традицией, о чем свидетельствует высокая пропорция неимператорских имен, принадлежащих женам рабов и отпущенников Цезарей, карьера и престиж которых возвышали их над остальными членами фамилии Цезарей. Даже Клавдианский сенатусконсулт, понижавший статус свободнорожденных женщин (и соответственно их детей) до уровня рабынь и отпущенниц, если они выходили замуж за императорских рабов и отпущенников, даже это решение сената не дало практических результатов: число браков со свободнорожденными не уменьшалось. Само же мероприятие Клавдия, предложенное в интересах фиска и наследования имущества явилось своеобразной данью фактору социальной мобильности. Несоответствие высокого уровня богатства и низкого правового статуса еще более заметно, если сравнить экономическое положение свободных и членов императорской фамилии. Экономически не только императорские отпущенники, но даже императорские рабы низшего ранга были привилегированной частью римского общества. Даже такие должности, как *dispensatores*, были очень доходны. Далее Вивер отмечает, что кроме статусного противоречия между фамилией Цезарей и другими рабами или фамилией Цезарей и свободнорожденными существовал статусный разлад внутри самой фамилии. Обычно отпущенники имели более высокий статус, чем большинство рабов в фамилии Цезарей, и если учитывать средние возрастные нормы для манумиссии, установленные законом Элия Сенция, и возрастные дефиниции для определенных служб, то у отпущенников, разумеется, было больше шансов для служебной карьеры, чем у рабов. Но некоторые рабы имели более высокий статус, чем отпущенники.

Несмотря на правила манумиссии и про-

движения по службе, существовало два примечательных исключения, которые ясно свидетельствуют о статусном диссонансе внутри административной службы. Среди наиболее влиятельных и доходных должностей вспомогательной градации были диспенсаторы. Для рабов этой категории манумиссия обычно откладывалась в возрасте 40—45 лет, после чего отпущенники сразу продвигались в высшую градацию. Таким образом, они составляли привилегированную часть рабско-отпущеннической элиты. Еще одну группу, в которой обнаруживаются противоречия статуса, составляли *vicarii* как помощники и заместители *dispensatores*. Аномалия низшего правового статуса состояла здесь в том, что *vicarii* — раба, получив должность, хотя и низшую, становился влиятельным в финансовой администрации и с самого начала был предназначен в свою очередь стать диспенсатором после продвижения последнего. С другой стороны, были случаи, когда исполнители низших служб, например *adiutores* (обычно рабы), отпускались на волю.

Итак, Вивер стремится внести вклад в решение одной из самых важных проблем современного антиковедения — проблемы социальной мобильности. Судя по работам Вивера, вопросы, связанные с социальной мобильностью в Римской империи, начали разрабатываться на Западе только с начала 60-х годов и получили свое освещение главным образом в трудах Хопкинса. Поэтому Вивер справедливо упрекает западную историографию в недостаточном внимании к этой проблеме.

К этому упреку хотелось бы прибавить некоторые возражения, связанные с исходной теоретической посылкой Вивера и Хопкинса. Напомним, что Вивер вслед за Хопкинсом трактует социальную мобильность как углубление противоречия между юридической системой стратификации и реальным социальным статусом страт, или сословий. С такой трактовкой социальной мобильности можно было бы в принципе согласиться, если бы указанные авторы при определении социального статуса оперировали достаточно четкими параметрами. Действительно, изменение любого из параметров должно было приводить к статусному противоречию, которое и лежит в основе социальной мобильности. Предложенные же Вивером критерии для определения социального статуса слишком расплывчаты и далеко не всегда существовали.

Так, на стр. 3 он характеризует верхние границы социального статуса такими критериями, как способность (*ability*), успех (*achievement*), богатство или благосостояние (*wealth*), а на стр. 5 при характеристике статуса императорских рабов сюда прибавляются еще интеллект (*intelligence*), влиятельное служебное поло-

жение (power ranking) и т. д. Когда же Вивер переходит к конкретному исследованию статусного противоречия, характерного для императорских отпущенников и рабов, то он постоянно обращается к благосостоянию как главной переменной величине, т. е. в первую очередь обращается к критериям экономического характера, под влиянием которых коренным образом эволюционирует социальный статус.

Что касается таких показателей, как способность, интеллект, образованность, то при прочих равных условиях они не могут изменить социальное положение настолько, чтобы можно было говорить о противоречии в статусе. Не случайно

почти во всех статьях, где Вивер дает весьма глубокий конкретный анализ социальной мобильности императорской фамилии, он интуитивно не принимает во внимание этих второстепенных факторов. Таким образом, конкретные исследования Вивера в какой-то мере противоречат его исходной теоретической посылке. Вот почему, как бы ни была уязвима теоретическая основа работ Вивера, ценность его конкретных изысканий от этого не снижается. Проблемы же, поставленные в его работах, заслуживают самого пристального внимания и дальнейшей разработки.

Р. Е. Ласт

JERZY KOLENDO, Postęp techniczny a problem siły roboczej w rolnictwie starożytnej Italii, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, 201 стр.

Эта книга принадлежит к самым интересным среди посвященных сельскому хозяйству древней Италии и вышедших в свет за последние 20 лет. До сих пор вопросы италийской агротехники рассматривались сами по себе: ее описывали и объясняли, ставя иногда в связь с местными условиями, но отнюдь не увязывая с общим хозяйственным положением страны. Е. Колендо хочет не только проследить перемены в самой италийской агротехнике, но и показать зависимость «людской деятельности от хозяйственной и общественной структуры» (стр. 10).

Важнейшим фактором, который заставлял хозяина задумываться над привычной агротехникой и искать новых путей, был вопрос рабочей силы. «Анализ всех перемен, связанных с переходом к новой системе обработки земли, показ, как постепенно уменьшается значение традиционной техники» (стр. 10) и хозяин перекладывает работу, производившуюся руками человека, на орудие, запряженное животными, — вот задача этой книги.

Для решения ее автор внимательно пересматривает все полевые работы, исполнявшиеся вручную: *ossatio*, мотыжение, жатву. Работу *ossator'a*, засыпавшего посевное зерно с помощью мотыги, выполняет с давних времен *рало* «с ушами»; от мотыженья (работу эту автор, основываясь на источниках I в. н. э., тщательно анализирует) иногда совсем, иногда частично приходится хозяину отказываться: оно очень трудоемко, а рабочих мало; поспевший хлеб убирает не жнец с серпом или «гребнем», а своеобразная жатвенная машина — «гальская жатка». Попутно автор разбрасывает множество интереснейших наблюдений и выводов; очень убедительны со-

ображения относительно имени Сазерыны: 200 югеров были только частью его имени, которую обрабатывали его рабы, на другой сидели мелкие арендаторы — колоны. Имение в Цисальпинской Галлии было у него не единственным — ему принадлежал и *ager Liguscus Montanus* (стр. 55—56). Все это, подкрепленное комментарием соответственных мест из Колумеллы и Варрона, можно считать положениями совершенно доказанными. Бесспорно указание на ошибку Колумеллы, утверждавшего, что в Египте и Африке земледелец не производит на своем поле никаких работ, кроме сева и жатвы. Ссылаясь на материал эпиграфический и изобразительный, автор убедительно показал, что мотыженье в римской Африке было работой и важной и обязательной. Магону, однако, оно было неизвестно (отсюда и утверждение Колумеллы), и практика его принесена была в Африку римлянами (стр. 110—113).

Сказав по поводу норм работы в земледелии: «Мы должны помнить, что они зависят, с одной стороны, от природных условий, а с другой, — от особенностей данного хозяйства» (стр. 57), автор руководствуется этой неопровержимо верной мыслью во всей своей работе: внимательно исследована разница в числе дней, нужных для пахоты, и в количестве вспашек — то и другое поставлено в связь с почвенными условиями, с породой упряжных животных и с характером хозяйства (стр. 68—69); тот или иной способ жатвы объясняется связью этой работы с особенностями молотьбы и с наличием рабочей силы (стр. 58—60). К вопросу о ее использовании, к данным наших источников автор подходит с осторожностью поучительной. Приведа рас-